

УРОЖЕНЕЦ США В ВЕРМАХТЕ – ЖИЗНЬ И СУДЬБА РУДОЛЬФА ЗАЛВЕРМОЗЕРА (RUDOLPH SALVERMOSER)

Рудольф Залвермозер родился 07.07.1924 в городе Camden, штат New Jersey (США). В 1929 г. он прибыл в Германию и поселился у родителей матери в городке Альтомюнстер (Altomünster). Он рос обычным немецким подростком, прошел через Гитлерюгенд и стал танкистом элитной части Вермахта, воевавшей на Восточном фронте. После войны он вернулся в США, но годы, прожитые в нацистской Германии, воспитание, которое дали ему Гитлерюгенд и танковая школа, оставили свой след. Этот человек позднее вспоминал о своей молодости с ностальгией, гордился своими боевыми достижениями и наградами и не был склонен говорить о преступлениях нацистов. Прочитав отрывки из его воспоминаний, читатель может составить об этом собственное суждение...

... Годы, которые я провел в Альтомюнстере, были политически беспокойными для Германии. С одной стороны, моя бабушка была горячей поклонницей старого Баварского Королевства, и даже в период правления Гитлера ее любимой фразой было следующее: «Хотела бы я, чтобы у нас по-прежнему был король!» С другой стороны, мой дед хотя и не был нацистом в том смысле, в котором понимают это сейчас, соглашался со всем, что делал Гитлер. У него определенно были причины поступать так, поскольку он пережил поражение в прошлой Мировой Войне, в которой участвовал и на которой стал инвалидом, и пережил хаос периода слабой и неэффективной Веймарской Республики. Когда к власти пришел Гитлер, исчезла безработица, в изобилии появились продукты и среднему гражданину – даже в Альтомюнстере – был обещан собственный автомобиль... Однако, я помню, как

моя бабушка часто делала критические комментарии в адрес Гитлера, но мы, дети, не верили фразам типа: «Не думаю, что Гитлер говорит нам всю правду...» и «Полагаю, Гитлер втравит Германию в войну!...»

... Я вступил в Гитлерюгенд в то же время, когда стал старшеклассником. Не помню, чтобы кто-то насильно заставил меня сделать это, поскольку это просто происходило автоматически, когда ты достигал определенного возраста. Время, которое я провел в

Гитлерюгенде, не было временем политического и милитаристского промывания мозгов. Вместо этого мы раз в неделю собирались вместе и обсуждали, кроме прочего, текущие политические события в Германии – необязательно с точки зрения превосходства «расы господ» над евреями, говорили о том, как происходящие события соотносятся с нашей моралью, честью, характером и верностью долгу. Определенно, во многом эти беседы были запрограммированы на идеологическую подготовку нас к тому, чтобы стать хорошими солдатами, но тогда я об этом не думал. Просто кажется, что в этом был смысл – разрешить нам, молодежи, дискутировать о тех преимуществах, которые дают приемлемое поведение и гражданственная мораль. В противоположность тому, что многие думают о Гитлерюгенде, нас никогда не настраивали против родителей или друзей и не приучали к тому, что нужно «стучать» на них в полицию или Гестапо. Я не припоминаю подобных случаев в те годы.

... Мне было примерно 15 лет, я был на каникулах дома, когда в Альтомюнстере всех ребят возрастом от 15 до 17 лет собрали для того, чтобы определить нашу годность для службы в SS-Waffen. Я и мои друзья посетили это собрание из любопытства, поскольку мы не рвались в этот род войск. Думаю, мое личная неприязнь к ним сформировалась на почве их откровенного высокомерия и «жлобства», однако, мы прошли множество тестов. По случаю я ознакомился с заключением обо мне и с удивлением обнаружил, что отношусь к нордической расе. Мне это показалось смешным, поскольку я уже знал от преподавателя биологии, что принадлежу к итальянской или древнеримской германской расе (в соответствии с моей внешностью, темно-коричневыми волосами и глазами). Я и мои друзья посмеялись над этим и были удивлены тем, с какой легкостью в SS интерпретируют на свой лад такие простые физические данные...

В конце лета 1941 г., достигнув 17-летнего возраста, я выразил желание добровольно поступить в Вермахт. Для этого было две причины: первая и наиболее важная – я верил в то, что это мой патриотический долг. Мы, молодое поколение, горячо верили в то, что война была навязана народу Германии. Во-вторых, я пошел в армию добровольно, потому что многие из моих школьных товарищей (а я был вторым с конца по возрасту в классе) уже ушли на службу, и я боялся, что окажусь среди очень немногих, оставшихся в школе тогда, когда война уже закончится.

После прохождения начальной боевой подготовки в апреле 1942 г. Залвермозер получил назначение в базирующийся в городе Бамберг (Bamberg) 35-й Бронетанковый Полк для прохождения дальнейшей боевой подготовки.

Моя боевая подготовка в Бамберге продолжалась 6 месяцев – с апреля по октябрь 1942 г. Подготовка была разделена на два периода, каждый из которых длился три месяца. Первый период был базовым, нас просто превращали в солдат с акцентом на пехотную подготовку. Второй период был отведен для подготовки нас в качестве танкистов.

Обучение в Вермахте было очень тяжелым, жестко организованным, в атмосфере суровой дисциплины. Первые шесть недель у нас не было увольнительных, а позднее такое бывало только если вы прошли свой первый тест на отдание чести. В реальности, нас не хотели отпускать в город и представлять армию, пока мы, по меньшей мере, не научимся правильно отдавать честь старшему по званию. Я рвался

в увольнительную, но, по-видимому, когда подошла моя очередь отдавать честь, угол между моей вытянутой рукой и головой отклонился от стандарта на несколько градусов, из-за чего я провел выходные в работах вокруг казарм...

Иногда нам давали небольшие порции сигарет и алкоголя, но в очень небольших количествах. Если это было спиртное, нам разрешали употребить его только в казарме, и, само собой, никого после этого не отпускали в увольнительную. Мне повезло в том, что у нас был прекрасный взводный сержант (Oberfeldwebel), и я считал за честь то, что он выбрал меня своим денщиком. Я не шучу, в то время это почиталось за честь как мною, так и другими. Несмотря на то, что у меня было полно дел, в том числе в том, что касалось содержания моей формы в выглаженном и вычищенном состоянии, а сапоги – в блеске, обязанность делать то же самое для него означала, что он обо мне высокого мнения, как о хорошем солдате, и что он доверяет мне быть его представителем и часто доводит его приказы до ребят из взвода.

В дополнение к постоянным тренировкам, нам часто читали лекции, хотя это редко касалось политики. Я вообще не припоминаю какие-либо политические лекции, хотя эти моменты были перемешаны с другими темами. Каждый из нас был обучен пехотной науке и ремеслу танкиста, включая тактику боя. Другими словами, до нас это доводилось следующим образом: «Что вы будете делать, если будет убит ваш взводный командир? Что вы предпримите? Какие решения примите?» Вспоминая об этом, я думаю, что каждый рекрут проходил подготовку как потенциальный лидер, человек, который может полностью взять на себя обязанности командира. Вероятно, основной фокус был на беспрекословном подчинении. Знаменитой шуткой наших сержантов и капралов была такая фраза: «Не надо думать, ты – не лошадь – только лошади думают, потому что у них большие головы!» Теперь это звучит смешно, но тогда мы слышали эту фразу снова и снова, и не оспаривали ее логичность....

Танковая подготовка отличалась значительно большей нагрузкой, чем базовая пехотная. Такие упражнения как запрыгивание в танк и выпрыгивание из него самым быстрым образом повторялись множество раз. Эти бесконечные упражнения в то время могли показаться лишеными смысла, но выработка навыка молниеносно делать это на уровне инстинкта спасла много жизней... Ну а превыше всего стояла наша цель – остаться в живых и победить. Слова «поражение» для нас не существовало, оно было оставлено врагу: мы должны были одолеть его, выиграть сражения и стать победителями!

Где-то в декабре 1942 майор из элитной дивизии *Großdeutschland* прибыл в Бамберг. Нам не сказали, в чем заключалась его миссия, но все роты, одна за другой, должны были предстать перед ним на полигоне. Майора сопровождали наши ротные командиры и после всего наши сержанты сказали некоторым из нас, что вечером нам необходимо явиться в один из офисов. Мы один после другого входили в офис. Когда я вошел, я увидел майора, сидящего за столом. Он спросил меня мое имя, откуда я, продолжительность службы, что я думаю о войне и о Фюрере. По-видимому, мои ответы его устроили, потому что на следующий день мне передали, что я оказался одним из везунчиков, которых приняли в *Großdeutschland*. Меня назначили командиром группы из 6 человек, отобранных из бамбергского полка. В итоге мы оказались в Кенигсберге, откуда нас на грузовиках перевезли в какой-то городок в

центре Восточной Пруссии...

Вскоре мы узнали, что теперь мы входим в состав батальона *Führerbegleitbataillon*, в чьи обязанности входила охрана Гитлера и его штаба. Вместо того, чтобы ощутить восторг и то, что мне оказана честь, я подумал следующее: я все еще в Германии вместо того, чтобы сражаться на фронте, я – всего лишь охранник. Оказалось, что батальон имеет двойной состав: одна часть сражается на фронте (Восточном фронте), тогда как другая охраняет Гитлера. Боевой состав находится под личной командой Гитлера, который лично решает, где его батальон нужен и куда его послать. Кажется, куда бы нас ни посылали, мы так или иначе вступали в бой с элитными советскими гвардейскими частями. Куда бы Гитлер ни посылал «свой» батальон, Сталин посылал туда «свой», будто два лидера играли в солдатики!

Продвижений в чинах в батальоне было немного, так как уровень потерь был ниже обычного. В нашей части из-за постоянной ротации и относительно невысокого уровня потерь продвижение вверх по службе было ограниченным. За время моей службы в Вермахте с апреля 1942 по май 1945 я дослужился до звания *Unteroffizier*. Я был наводчиком, хотя во время подготовки танкиста готовили и как заряжающего, и как радиста, и как механика-водителя, и как командира танка.

Мы никогда не считали свою службу чем-то вроде «еще одной работы» - быть солдатом было нашим долгом и нашей честью. В конце концов, шла война, я был призывного возраста и чувствовал то, что чувствовали другие молодые парни – в жизни есть только один путь – сражаться за Фатерлянд, победить в войне и вернуться к мирной жизни, чтобы заново отстраивать свою страну. В нашем умении воевать мы значительно превосходили русских - наша боевая группа (*Kampfgruppe*) сражалась, отдавая один свой танк за пять русских танков, и я полагаю, что такое соотношение было характерно для всего Русского фронта. К несчастью, у них было, вероятно, в десять раз больше танков, чем у нас. Наше умение быстро наводить орудия и точность в стрельбе были основой нашего превосходства. Несомненно, мы были лучше обучены, и у нас была оптика намного более высокого качества. Однако, наши танки уступали в том, что касается толщины брони, наши моторы были слабоваты по отношению к массе танков, гусеницы были слишком узкими для раскисших или заболоченных пространств...

Участвуя в боях на Восточном фронте, я был ранен четырежды. Первые два раза это случилось зимой 1943-44 гг. под Нарвой близ русско-эстонской границы. Наш танк получил задание патрулировать участок, расположенный на опушке леса, и оказался под огнем русского 172-мм орудия. Нам полагалось передвигать танк после каждого двух-трех выстрелов противника. Это случилось в тот момент, когда была моя очередь вести наблюдение (я стоял, высунувшись из башенного люка), - снаряд взорвался прямо перед танком. Взрыв сорвал ведущий каток и, таким образом, машина потеряла ход. Через несколько часов нас отбуксировали к командному пункту батальона. Я сошел с машины, но вскоре решил вернуться, чтобы забрать свои письменные принадлежности – хотел написать пару писем. В тот момент, когда я собирался прыгнуть с машины во второй раз, мина взорвалась прямо на крыше башни нашего танка. Я немного опоздал и не успел вовремя шлепнуться на погон башни – я увидел вспышку, и тут же осколок попал мне в лицо с правой стороны. Ранение оказалось не

слишком серьезным: уже в блиндаже санитар наложил повязку и все обошлось, хотя несколько мелких осколков осталось у меня под кожей навсегда.

Во второй раз я был ранен два дня спустя. Это случилось во время небольшого небоевого марша вдоль Нарвского фронта незадолго до запланированного к югу от Ленинграда наступления (мы обкатывали машины). Во время этого марша я был наводчиком самоходной артиллерийской установки. Преимуществом самоходки был ее низкий профиль, 75-мм пушка всегда была направлена вперед, и при этом толстая лобовая броня всегда была обращена в сторону противника... Во время марша внутри танка стало жарковато, и я открыл небольшую заслонку, закрывающую прицельное устройство. В прошлом мне приходилось делать это много раз, чтобы проветрить танк. Неожиданно я услышал треск пулеметной очереди и почувствовал, что теряю сознание... Мой заряжающий, должно быть, сразу разглядел это и закричал: «Руди ранен!» Командир приказал водителю развернуться и оправиться назад. Позднее, когда я обсуждал это с друзьями, они рассказали, что решили было, что у меня снесло голову: столько было крови! Позднее выяснилось, что один из пехотинцев, сидевший на броне самоходки, вел пулеметный огонь и свалился с машины. При этом несколько пуль попали в открытую заслонку и срикошетили вовнутрь.

Третий раз я был ранен во время своего второго выезда на фронт, непосредственно перед покушением на Гитлера 20 июля 1944 г. Трагедия была в том, что рана не была напрямую связана с действиями противника. Мы принимали участие в боевых действиях где-то в Литве, и один из наших снарядов оказался с дефектом. Когда происходила осечка при стрельбе, мы обычно ждали, по меньшей мере, семь секунд, затем вытаскивали из затвора этот снаряд и заряжали другой. Итак, подождав какое-то время, командир приказал вытащить снаряд из затвора, что и было сделано заряжающим. В этот момент я увидел яркую вспышку пламени. Никакого шума я не услышал, взрыва не почувствовал, и, честно говоря, сначала даже не понял, что произошло... Я обернулся и увидел, что командир рухнул замертво. Водитель начал выкарабкиваться из своего закутка, говоря мне: «Выбирайся наружу, нас подбили!» Я выскочил из танка настолько быстро, насколько смог, и укрылся позади машины. За мной последовали заряжающий и водитель. У заряжающего была оторвана рука прямо под плечом, и когда я спросил водителя, нет ли у него чего-нибудь, чтобы перевязать рану и остановить кровотечение, раненый, кажется, осознал всю тяжесть своего положения и зарыдал с криками: «Моя рука! Моя рука!» Мне повезло больше: я был ранен в лицо несколькими мелкими осколками и получил несколько ожогов правой руки и лица. Наш командир был убит взрывом мгновенно...

В четвертый раз я был ранен 8 августа 1944 г. примерно в двух милях от Расейня в Литве. Экипаж нашего танка – ведущего танка роты - получил задание выяснить, что предпринимает противник в окрестностях этого города. Мы поднялись на вершину холма и спрятались в кустарнике, и тут я разглядел русский Т-34, пересекающий наискось долину прямо напротив нас. Я успел выпустить один снаряд, когда буквально в то же мгновение увидел какой-то блестящий предмет, летящий в нашу сторону с колоссальной скоростью. Я почувствовал опасность и закричал: «Внимание!», и тут же сверкнула вспышка, за которой не последовало взрыва. В полубессознательном состоянии я выбрался из танка. Когда я пришел в себя, я стоял на коленях позади танка, рядом со мной, тоже на коленях, стоял водитель. Когда я спросил его, где

остальные, он ответил: «Они убиты.» Поскольку мотор уже не работал, я услышал стоны и сказал водителю: «Кажется, один из них жив, давай-ка поможем ему.» Мы забрались в танк и нашли там заряжающего, в руке у которого был пистолет – он собирался покончить с собой... Такой нередко была реакция танкиста, который уже не мог выбраться из подбитого танка – человек предпочитал самоубийство медленной мучительной смерти в горящей машине или плену. Я тут же выбил у него из рук пистолет и сказал водителю: «Помоги мне вытащить его.» Мы попытались выбраться с ним из танка, но ничего не получалось: внутренний отсек машины был завален обломками, которые зажали его ноги. В ту же минуту мы услышали стоны нашего командира – его мы нашли в левой части башни, где его так же плотно завалило обломками металла. Мы услышали, как русский пулемет начал поливать очередями нашу подбитую машину, поэтому, как нас этому в свое время учили, мы выбрались из танка и укрылись позади него. Почему-то у меня стало темнеть в глазах, и я спросил водителя: «Ты что-нибудь видишь?» Я имел в виду, видит ли он что-нибудь вообще, но он решил, что я спрашиваю, видит ли он русских, и он сказал «нет». Что ж – решил я – надо еще раз попытаться помочь своим, призвал к этому водителя, но тут он говорит мне: «Ты весь изранен – и лицо, и руки!» И тогда я понял, что был ранен и на самом деле. Мои руки обгорели, при этом правая рука настолько сильно, что кожа стала облезать и скручиваться. Мой китель почти сгорел с правой стороны, и когда я дотронулся до своего лица и головы, мои пальцы угодили во что-то липкое и слизистое... Более того, мои волосы полностью сгорели, кровь стекала вниз по лицу. С учетом тяжести ранений, невероятным было то, что кому-то другому пришлось сказать мне, что я был ранен! Я понял это, пришла боль, и я обнаружил, что единственный способ уменьшить боль в руках – держать их поднятыми вверх. Ковыляя, я спустился с холма, едва видя следы от наших гусениц в траве, и добрал до окопчика, где можно было получить помощь и укрыться от опасности. К этому моменту я уже почти ничего не видел. Какой-то голос спросил меня: «Ты кто?» - «Руди из 541-го танка,» - ответил я. – «Боже мой! - услышал я тот же голос, - кто-нибудь еще остался в живых?» - «Да, - ответил я, - остальные трое ранены, но их невозможно вытащить из танка, и им нужна помощь.» - «Хорошо, - сказал голос, – мы найдем людей, чтобы помочь им!» Я не видел уже ничего, и сказал: «Я ослеп!» Голос ответил: «Стой здесь, помощь уже близка...» Позднее я узнал, что один из танков вышел из боя и отбуксировал мою машину в безопасное место. Я был ранен и обгорел настолько тяжело, что, судя по моей *Verwundetenkarte* (медицинская карта раненого) получил последнее причастие от капеллана. Заряжающий и я оказались в числе безнадежных – нас просто оставили в полевом госпитале умирать, решив даже не беспокоиться об отправке в Германию. Провалившись две недели без сознания, я стал приходить в себя и полностью очнулся уже тогда, когда меня сгрузили с санитарного поезда в Дрездене.

До этого боя, в котором я едва не погиб, нам говорили о новом русском танке – *Иосиф Сталин III*, который весил 46 тонн и имел 122-мм пушку. Толщина листов его наклонной брони была 120мм, и наши 75-мм снаряды просто отскакивали от нее. Пробить они могли только боковую броню, и то с близкого расстояния. Стреляя по Т-34, я не знал, что в двух километрах от нас на краю леса было множество этих монстров. С первого выстрела они подбили наш танк. Взрывом оторвало пушку, при этом сдетонировал снаряд, находившийся в затворе. За ним сдетонировала боеукладка, при этом, как говорили свидетели, крышу башни взрывом подняло в

воздух на сотню метров... Наш водитель, который пережил все это без особых травм, не говорил ни с кем целых пять дней. В итоге его перевели в другой экипаж. В первый же день по возвращении на фронт он вел свою машину по деревянному мосту, который обвалился под ним. Все члены экипажа, кроме него, сидели на броне и уцелели. Падая, танк перевернулся и оказался в воде. Водитель утонул, оказавшись в смертельной ловушке под водой...

За свои четыре ранения я получил серебряный знак *Verwundeten Abzeichen*, который давали любому солдату, который был ранен более трех раз, или за потерю руки, ноги, глаза или слуха. Кроме того, меня наградили знаком *Panzerkampf Abzeichen* за участие в трех успешных танковых атаках. Моя третья и наиболее престижная награда - *Eisernes Kreuz II Klasse* (Железный Крест 2-го класса). Свои награды я получил за уничтожение шести русских танков: двух в отдельных боях и еще четырех – в одном бою. Последнее случилось, когда примерно двадцать русских танков попытались прорвать нашу оборону близ Нарвы. Каким-то образом мне удалось подбить четыре вражеских танка в течение нескольких минут, тогда как еще один наш танк уничтожил еще два. Одновременно с этим наши 88-мм зенитки подбили еще четыре вражеских машины. Потеряв десять танков, оставшиеся русские машины укрылись в лесу...

Говоря о русских, я никогда не считал их недочеловеками, хотя их поведение на Восточном фронте выработало у моих друзей и у меня отношение к ним как к людям, отличающимся чрезмерной жестокостью. Еще во время боев, я как-то раз наткнулся на тело одного моего хорошего друга. Его труп лежал накрытым рядом с лазаретом. Он был убит пулей, но было видно, что наши противники размозжили ему голову множеством ударов прикладами. В другом случае, когда бой перешел в рукопашную, моего товарища проткнули штыками больше двадцати раз! Припоминаю еще один эпизод, подтверждающий их жестокость: во время одной из атак я смотрел вперед через 40-кратное обзорное устройство и разглядел раненого немецкого солдата в нескольких сотнях футов от нас, ползущего в сторону наших окопов. Неожиданно русский солдат выскочил из-за дерева и несколько раз проткнул его (*штыком? - ВК*), прикончив парня вместо того, чтобы взять его в плен. Неудивительно, что, зная о таких случаях, любой немецкий солдат страшно боялся быть брошенным где-то после полученного ранения или попадания в плен к русским, так как шансы остаться в живых после это были близки к нулю...

После тяжелого ранения Залвермозер больше не принимал участия в боевых действиях. 6 мая 1945, в Тироле, он сдался в плен американцам...

День освобождения из американского плена настал. При освобождении требовалось заполнить вопросник, касающийся нашего прошлого. Неожиданно для себя я забеспокоился, так как пришел к выводу, что мне нужно будет раскрыть место моего рождения. Я спросил немецкого майора, который сидел рядом со мной: «Стоит ли мне написать о том, что я родился в Кэмдене, штат Нью-Джерси? - За каким чертом ты оказался в немецкой армии?» – спросил он. – «Долгая история... Как вы думаете, что со мной сделают, если узнают об этом?» – «Парень, не волнуйся, - сказал он, - тебя за это не казнят. Просто расскажи им всю историю – как это случилось. Американцы – благородные ребята.» Так и случилось, никто меня не стал ни о чем спрашивать.

... Весь процесс денацификации, о котором я слышал в послевоенные годы, был

фарсом. Союзники начали с того, что объявили всех немцев виновными, потом все повернулось в обратном направлении, и почти со всех сняли обвинения. Денацификационные суды никем и никогда не считались законными, но все считали это той стороной жизни, которую побежденная сторона должна была перетерпеть. И в самом деле, после войны вдруг появилось великое множество ангелов – людей, которые заявляли о том, что были в оппозиции к Гитлеру и ко всем его делам. Ни с того, ни с сего стало невозможным найти ни одного наци, но потом: кем был этот наци? Был это тот человек, который совершал преступления против человечности, активный член нацистской партии или просто любой, кто орал "Sieg Heil!" или "Heil Hitler!"?

В моем городе все знали друг друга и не беспокоились особо о том, был человек в партии или не был. Все помогали друг другу очистить свое имя от наветов. Все были соседями до Гитлера и после него. Они были теми же людьми, что и раньше: простыми, честными и патриотически настроенными. Если они и поддерживали Третий Рейх, было это потому, что они доверяли своему Фюреру и верили в то, что он говорил им правду. После десяти лет веры в одну правду, за которой последовала другая версия правды, неудивительно, что, что многие из нас осторожно относились к рассказам союзников о германской агрессии и нашей вине во всем случившемся. Мы знали, что наши газеты и радио были под цензурой американских оккупационных властей, и что не так уж давно печально знаменитый Третий Рейх вернул Германию на карту мира. У всех появилась работа, нация процветала, и даже обычный рабочий мог рассчитывать на приобретение своего дома, своего автомобиля, на поездку в отпуск по программе *Kraft Durch Freude* (Сила Через Радость)... Сегодня, когда меня кто-то спрашивает, почему мы не встали в оппозицию к Гитлеру, мой ответ будет таким: «Мы просто не знали, что происходит.» Не все немцы были согласны с Гитлером, но нам не говорили о зверствах, совершаемых небольшой группой людей, или о причинах, по которым одна нация объявляла войну другой – по меньшей мере, истинных причинах... Размышляя о прошлом, можно сказать, что большинство немцев было не против Нюрнбергского процесса, а против того, что русские сидели там в качестве обвиняющей стороны. Мы все знали, что Россия так же винована во всем, как и Германия: разве не они вторглись в Финляндию, страны Прибалтики и Польшу, разве не они уничтожили польских офицеров в Катынском лесу?

Будучи вернувшимся из армии ветераном, я чувствовал хорошее отношение к себе со стороны сограждан, но атмосфера дома была невеселой, даже печальной. Никто, казалось, не желал говорить о войне в то время... Никто ни в чем меня не обвинял, а когда я появился в [Альтомюнстере] и пришел на *Market Square* (вероятно, центральную площадь – ВК), несколько девушек, живших с нами по соседству, заметили меня, бросились ко мне и подарили мне цветы... Я испугался того, что это может вызвать проблемы, так как оккупационные власти издали указ, запрещающий поднесение цветов, деятельность комитетов, приветствующих возвращающихся солдат, или какие-либо торжественные церемонии в связи с этим. Я стал умолять девушек воздержаться от этого, и в тот момент услышал за спиной голос, который произнес с американским акцентом слово «Soldat!» Я обернулся и увидел американского майора. Я был чрезвычайно удивлен, когда он попросил меня – не

приказал мне – подойти к нему. Он осмотрел меня и сказал: «Не вполне уверен, твоя форма – форма танкиста или SS?» Я определенно испытал облегчение от того, что это было его единственной заботой, и сказал: «Это форма танкиста, у SS руны на правой петлице, тогда как у танкистов – череп и кости и слева и справа.» - «А, да. Приношу извинения. У вас есть документы об освобождении?» Посмотрев на мои документы (они были на немецком и английском), он сказал: «О, вас освободили в Бад Айблинге (лагерь в Bad Aibling – ВК), а родились вы в Америке! Как-нибудь поговорим об этом.» Он добавил, что я могу оставить себе цветы, и с того момента у нас наладились отношения. Я позднее встречался с ним в более простых ситуациях, и,

поскольку он был комендантом города, мои соседи стали рассматривать меня как своего неофициального представителя по связям с администрацией. Теперь, через три с половиной года отсутствия, я был просто «Руди» - бывший солдат, который с честью выполнил свой долг...

В 1949 г. Залвермозер репатрировался в США. Здесь он изъявил желание пройти службу в вооруженных силах и получил такую возможность! В основном, американцы относились к необычному товарищу по службе неплохо, но как-то раз сослуживец отказался спать с ним в одной комнате, в другом случае подвыпивший сослуживец отказался сидеть рядом с ним... Позднее он прошел обучение в Школе Военных Топографов, рвался в Корею, но в 1951-52 годах находился на Филиппинах вплоть до увольнения из армии, дослужившись до звания сержанта (слева на фото – бывший солдат Вермахта в американской военной форме).

В 1954-56 годах Залвермозер учился в университетах США и Германии, позднее преуспел, работая в США и других странах, занимаясь геодезией, спутниковой навигацией, системами наведения ракет. Время от времени спецслужбы перепроверяли его, но это не помешало его успешной карьере в сферах, связанных с государственными секретами и обороноспособностью США.

<http://wehrmacht-awards.com/forums/showthread.php?t=777253>

Сокращенный перевод, обработка и комментарии – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org

